

Вечерняя прогулка

... теперь, когда сгустились сумерки...

Пресветлый Гелиос, румяный царь!
Меня коснулся ты, блестящий дня червонец, -
и тотчас кожа стала роговицей,
и нервом зрительным – хребет.
И задрожало тело в исступленье
от струй золотых, что ты пролил
на море и на град; я ослеплён.
Здесь прежде были (и ещё остались)
дома и улицы – но города иного,
а не того, что ты преобразил.

Идём по набережной. Рыбаки
суда готовят на ночную ловлю.
Фырчат моторы, на носу – светильник.
Весь город вышел подышать прохладой;
влекутся парочки, слоняются юнцы;
отцы и матери, с мороженым детишки;
и старики глядят из уличных кафе;
и подползают к городу холмы, -
темнеющие ласковые звери.

Блаженная вечерняя заря,
что пролилась над морем и холмами,
творя рука с моей столкнулась –
как девушки рука, идущей рядом:
крутые бёдра, семенящие шаги,
плывущая походка.
Власы черны как смоль; на шее и плечах
загар; и карие глаза смеются.
Я пью тебя до дна, дрожащий свет,
как музыку, как то вино,
что много тысяч лет
её вкушали предки.

О ноздреватый город! *Элефтерия* –
зовут её!

Пусть для неё твои
рубцы – лишь пятна грязи на стене, -
но в этот час, когда и свет, и блики
играют на её лице – как речь, как песнь, -
дано ей неотъемлимое право
гулять по набережной на закате,
быть стражем и орудьем света твоего,
и собирать его в глубокие колодцы глаз,
дано ей право, сладкая свобода! -
начать с тобою танец.

Блаженный вечер, свет тысячелетний,
божественный певец, прекрасный, как она!
Как можно не склониться пред красотой,
какой ты наделил и жителей, и город, -
той формой, где отлился этот мир?!
Я стал рабом твоим – иль даже гражданином.
И жажду я испить тебя до капли
и каждой порою в себя вобрать
твое сияние – её свободу.

Ричард Беренгартен
Richard Berengarten

Перевод Ольги Маркеловой
Translation by Olga Markelova

interLitQ.org